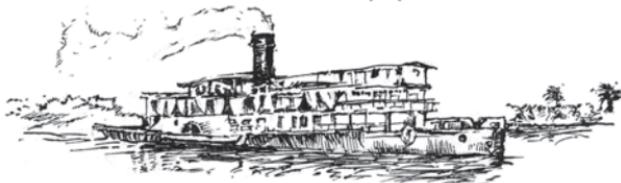

ГЛАВА I

В АЛЕКСАНДРИЮ

Несколько слов о том, что подвигло меня
НА ПАЛОМНИЧЕСТВО

Осенью 1852 года при посредничестве моего дорогого друга генерала Монтейта [2] я предложил свои услуги Королевскому географическому обществу в Лондоне с целью заполнения того огромного и позорного для современных путешественников белого пятна, каким остаются на наших картах восточные и центральные районы Аравии. Члены этой уважаемой организации сэры Родерик Мерчисон [3], полковник П. Йорк и доктор Шоу с присущей им жадной открытий и готовностью поощрить исследователя оказали мне честь, тепло поддержав в личной беседе с сэром Джеймсом Хоггом [4], председателем совета директоров почтенной Ост-Индской компании, моё прошение о трёхгодичном отпуске и отбытии из Индии в Маскат [5] с особой миссией. Однако им не удалось убедить председателя, который, памятуя о гибели многих военных, путешествовавших в последние годы по Востоку, отказался удовлетворить прошение под тем предлогом, что планируемое путешествие имеет слишком опасный характер. Тем не менее,

дабы компенсировать моё разочарование, мне предоставили дополнительный годичный отпуск, с тем чтобы я продолжил изучение арабского языка в странах, где его можно изучить наиболее глубоко.

Что мне оставалось, кроме как попытаться доказать делом, что меня минуют опасности, грозящие другим? Моим *experimentum crucis*¹ было посещение Хиджаза — области, где начинается одновременно самый трудный и самый опасный путь, по которому европеец может проникнуть в Аравию. Если бы мне разрешили отпуск, о котором я просил первоначально, я бы высадился в Маскате — предпочтительной начальной точке путешествия — и оттуда приступил бы к медленному, но верному покорению пустынь. Но теперь мне следовало поторопиться. Лето было в разгаре. За четыре года пребывания в Европе многие мои знания о Востоке частично выветрились из памяти. Пройдя через мытарства в Египте, где полиция не менее любопытна, чем в Риме или Милане, я спешил к Святой земле ислама, ревностно охраняемому и исключительному хариму. Как бы то ни было, я отважился на эту попытку и ради неё решил возродить свой старый образ персидского странника — дервиша². Королевское географическое общество щедро снабдило меня средствами передвижения; я изрядно устал от «прогресса» и «цивилизации», и мне любопытно было увидеть своими глазами то,

¹ Критический эксперимент (лат.; буквально «опыт креста») — решающая опытная проверка справедливости выдвинутой теории или концепции.

² На Востоке фигура дервиша нередко соединяет в себе и бродягу, и купца, и философа.

о чём другие лишь слышали, а именно: сокровенную мусульманскую жизнь в истинно магометанской стране; и я, говоря по правде, страстно желал ступить ногой на таинственную землю, которую ещё не описал, не измерил, не зарисовал и не сфотографировал ни один турист. Главная цель, которую я перед собой ставил, была такова: пересечь неизведанный Аравийский полуостров либо по прямой от Медины к Маскату, либо по диагонали от Мекки к Макале, что на берегу Индийского океана. О том, как «судьба, колдунья злая» [6] нарушила мои планы, читатель узнает из дальнейшего повествования. Имелись и многочисленные второстепенные цели. Я жаждал выяснить, возможно ли наладить торговлю лошадьми между Центральной Аравией и Индией, где состояние коневодства стало вызывать всеобщее недовольство; собрать сведения о Великой восточной пустыне — обширном пространстве, отмеченном на наших картах как рубу-л-Хали («пустая четверть») [7]; исследовать гидрографию Хиджаза, особенно его водоразделы, уточнить уклон местности и наличие непересыхающих рек; наконец, наблюдениями на месте проверить справедливость теории, выдвинутой подполковником Сайксом [8], о том, будто из исторических преданий можно сделать вывод, что у населения обширного полуострова должны иметься некоторые физиологические отличия, подкрепляющие наши сомнения в едином происхождении арабского народа. Касательно лошадей я имею сведения, что на восточном побережье кое-что можно сделать; но не на западном, где даже племенные животные совершенно никуда не годятся, а купить их можно лишь по случаю, да и то за неразумные деньги. Что до рубу-л-Хали, то я слышал достаточно, — и от заслуживающих

доверия рассказчиков, — чтобы заключить, что её пугающие глубины населены ордами полуголодных жителей; она изобилует высохшими руслами, долинами, оврагами и ущельями, время от времени орошаемыми дождём; и эта земля открыта смелому путешественнику. Более того, я имею точные сведения, вопреки всем географам от Птолемея до Жомара [9], что Аравия изобилует ФИУМАРАМИ³, но там нет ни одного постоянного водного потока, заслуживающего названия реки⁴; свидетельства местных жителей позволяют мне полагать, согласно Валлину [10] и вопреки Риттеру [11] и другим, что полуостров к югу понижается, а не повышается. И, наконец, я нашёл свидетельства, которые позже приведу в этом издании, того, что население полуострова относится к трём различным расам: 1) коренные жители этих земель, вытесненные (так же как билы [12] и другие коренные индийцы) в восточные и юго-восточные пустыни, граничащие с океаном; 2) сирийские и месопотамские племена — олицетворение потомков Сима и Иоктана [13], захватившие лучшие области страны и вытеснившие оттуда коренных жителей; они составляют часть большого арабского народа и по сей день пожинают плоды своих завоеваний; 3) смешанный сирийско-египетский клан, олицетворение потомков Измаила [14], его сына Наваиофа и Едома (Исава, сына Исаака); этот клан исстари и поныне населяет Синайский полуостров. И почти везде, даже в сердце Мекки,

³ В письме Королевскому географическому обществу, опубликованном в 24-м томе его журнала, ... (ДАЛЕЕ СМ. СТР. 318).

⁴ «In provinciis Arabum, ait Ibn Naukal, nullus dignoscitur fluvius, aut mare quod navigia ferat» ... (ДАЛЕЕ СМ. СТР. 318).

я обнаруживал остатки запрещённого Мухаммадом язычества; оно до сих пор популярно, хотя несведущие бытописатели приписывают ему современное и рационалистическое происхождение.

Я назвал этот отчёт о летнем путешествии через Хиджаз «личными записками» и постарался, чтобы он соответствовал названию, ведь «лишь личное интересно всему человечеству» [15]. И пусть моему примеру последуют немногие,⁵ но кому-то, возможно, будет любопытно услышать о тех мерах, что я принял ради неожиданного появления на сцене восточной жизни в восточном же обличи; и поскольку будущие путешественники могут найти мой рассказ полезным, я не стану извиняться за внешнюю эгоцентричность своего повествования. Те, кто испытывал нужду в «молчаливом друге», готовом помочь советом, когда о таком совете нельзя попросить вслух, оценят то, что незаинтересованному критику покажется лишь излишними себялюбивого ума.⁶

Я отбыл из Лондона в Саутгемптон вечером 3 апреля 1853 года. По настоянию собрата-офицера, капитана Генри Гриндлея — а тогда ни советчик, ни получатель совета не предполагали, насколько ценным окажется это предложение — я облачился в свои восточные одежды, а всем взятым мной в дорогу принадлежностям ещё до отбытия был придан совершенно восточный облик. Утром следующего дня на борт «Бенгалии» — великолепного винтового парохода,

⁵ Французский путешественник виконт Эскерак де Лантюр жил в Каире под видом сына Востока ... (ДАЛЕЕ СМ. СТР. 318).

⁶ Никто не чувствовал нужды в этом «молчаливом друге» более, чем я сам; ... (ДАЛЕЕ СМ. СТР. 318).

принадлежащего «Полуостровной и восточной компании», — взошёл «персидский принц».

Около двух недель были с пользой потрачены на освоение восточных манер. Деликатный Честерфилд [16] так говорит о различии между джентльменом и его противоположностью: и тот, и другой исполняют одни и те же жизненные обязанности, но весьма и весьма по-разному; сие в такой же мере приложимо к различиям в восточных и западных обычаях. Обратите внимание на то, например, как мусульманин-индиец выпивает стакан воды. Для нас это вполне простое действие, но в его поведении мы обнаружим не менее пяти необычных особенностей. Во-первых, он вцепится в стакан, словно в горло врага; во-вторых, он, ещё не увлажнив губы, воскликнет: «Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного!»; в-третьих, он поглотит содержимое разом, а не отдельными глотками, как должен бы, и в конце процесса удовлетворённо рыгнёт; в-четвёртых, прежде чем поставить стакан, он выдохнет: «Хвала Аллаху!» (и, оказавшись в пустыне, вы поймёте истинный смысл этой хвалы); и, в-пятых, он ответит на вежливые слова своего друга «Удовольствия тебе и здоровья!» — «Да будет Аллах милостив и к тебе!» Кроме того, он ни за что не станет пить чистый элемент стоя, словно нечестивец, но при этом не забудет о трёх законных исключениях: о воде из священного колодца Замзам; о воде, подаваемой в порядке благотворительности; и о той воде, что остаётся после вуду, или малого омовения. Более того, в Европе, где без разбора пользуются обеими конечностями, забываешь об исключительности правой руки, о необходимости перебирать чётки, о презренности стула — наш истинно восточный персонаж подбирает

ноги под себя: ему не более уютно на стуле, чем моряку на бегущей крупной рысью лошади; забываешь о необходимости ходить, мягко перекатывая подошвы и ставя носки прямо вперёд, а также сохранять серьёзный вид; утрачиваешь привычку к благочестивым восклицаниям.

Наше плавание по «летнему морю» не было отмечено никакими событиями. Плывя на пароходе водоизмещением две или три тысячи тонн, думаешь о некогда пугающих, а ныне презренных «бурных водах» лишь благодаря оркестру — постоянно, замечу, надоедающему пассажирам — с его «Бискайским заливом» [17]:

«Легли мы в дрейф
На целый день
В Бискайском заливе, о да!»

Вид славного Трафальгара⁷ не возбуждает на пароходе ни одного из тех чувств, каковые будило бы в нас утомительное хождение под парусом. Благодаря Теофилю Готье и Элиоту Уорбертону, Гибралтар, или «Гиб», как его фамильярно называют, известен вам, пожалуй, лучше, чем область Корнхилла; но пароход встаёт на якорь у Скалы ровно на столько, сколько нужно, чтобы спуститься на берег и позавтракать. Да и у Мальты всё то же старое знакомое лицо; здесь предпочитаешь заказать обед и проследить за охлаждением кларета (вот где начинается восточное варвар-

⁷ «А вот и Трафальгар: знай Нельсон истинное для него значение этого имени, ... (ДАЛЕЕ СМ. СТР. 318).

ство), чем скакать по раскалённому острову на спине осла, чтобы почтить память Святого Павла и рыцарей Белого креста. И хотя наше путешествие проходило однообразно, жаловаться было не на что. Пароход оказался комфортабельным во всех отношениях; кок, как ни странно, был хорош; плавание было долгим, но не чрезмерно. Вечером тринадцатого дня по отплытии прибыл лоцман в широченных штанах, в глазах выходцев с Запада прекрасный в своём уродстве, и пароход «Бенгалия» бросил якорь у Глиняного мыса⁸.

Мой добрый друг Джон Ларкинг пригласил меня остановиться у него; когда мы вместе сошли на берег, я с радостью обнаружил, что вполне успешно, не хуже самого Брюса [18], благодаря бороде и бритой голове ввёл в заблуждение «назойливое любопытство черни». Разношерстная толпа зевак, пред чьими взорами мы шествовали по пристани, услышав моё «Ал-хамду ли-Ллях»⁹, зашептала: «Мусульманин!» Детское население избавило меня от поздравлений, каковыми обычно встречают людей в шляпах; и когда мальчишка, предположив, что обстоятельства могут побудить меня к щедрости, посмотрел прямо мне в глаза и крикнул: «Бакшиш»¹⁰, а я отозвался: «Ма-

⁸ По-арабски *расу-т-Тин*, мыс, на котором некогда стоял незабвенный Фарос. Он назван так из-за наличия залежей глины, которую здесь добывали и использовали в старой гончарне.

⁹ «Хвала Аллаху, господу (трёх) миров!» — благочестивое восклицание, при любых обстоятельствах летающее с уст правоверного по завершении любого дела.

¹⁰ Один современный писатель пишет: «Бакшиш — это плата или подарок, который арабы (здесь он имеет в виду египтян, к которым это слово пришло от персов через турок) требуют при всякой возможности: ... (ДАЛЕЕ СМ. СТР. 319).

фиш»¹¹, сие убедило окружающих, что под овечьей шкурой и вправду овца. Потом мы погрузились в коляску, проложили себе путь среди погонщиков ослов и через полчаса оказались на диване в гостеприимном доме моего друга Ларкинга — с чубуком во рту и чашечкой кофе в руке.

Удивительным был контраст между пароходом и той виллой на канале Махмудия! Поразительной — внезапность смены *presto* на *adagio* [19]! За тринадцать дней мы переместились из липкого серого тумана — той промышленной атмосферы, что держала нас на якоре у острова Уайт, — через живительный воздух Средиземного моря с его мерцающей голубовато-пурпурной дымкой, что придаёт очарование даже неприветливому берегу Северной Африки, туда, где, молчаливые и недвижимые, мы сидим и слушаем монотонную мелодию Востока — мягкий ночной бриз, блуждающий по купам деревьев и небу, усыпанному звёздами.

Для араба это и есть кайф. Смакование животного существования; бездеятельное наслаждение одними лишь ощущениями; приятная истома, мечтательное спокойствие, рисование воздушных замков — в Азии состояние, замещающее собой деятельную, напряжённую, страстную жизнь Европы. Это следствие живой, впечатлительной, возбудимой природы людей и утончённой чувствительности их нервного устройства; подверженности сластолюбию, неизвестной в северных краях, где счастье видят в напряже-

¹¹ Мафиш — «нет, не имеется» — равнозначно фразе: «Я не взял с собой кошелёк»... (ДАЛЕЕ СМ. СТР. 319).

